

Ю НЕСБЕ

Ю Несбё

МАКБЕТ

Кавер-версия
«МАКБЕТА»
УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

Москва
2018

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44
Н55

Jo Nesbø
MACBETH

Copyright © Jo Nesbø 2018
First published as Macbeth by Jo Nesbø.

The Author has asserted the right to be identified as the author of the Work.

Перевод с норвежского *Анастасии Наумовой*

Дизайн серии и оформление переплета:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

Несбё, Ю.

Н55 Макбет : [роман] / Ю Несбё ; [пер. с норв. А. В. Наумовой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 608 с.

ISBN 978-5-04-092924-5

В городе, в котором все время идет дождь, заправляют две преступные группировки. Глава полиции Дуглас — угроза для наркоторговцев и надежда для всего остального населения. Один из преступных лидеров, Геката, желая остаться в тени, замышляет избавиться от Дункана. Для своих планов коварный преступник планирует использовать Макбета — инспектора полиции, который подвержен приступам агрессии и которым легко управлять. А там, где есть заговор, будет кровь.

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

© Наумова А., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018.

ISBN 978-5-04-092924-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1.....	9
Глава 2.....	35
Глава 3.....	46
Глава 4.....	68
Глава 5.....	98
Глава 6.....	119
Глава 7.....	135
Глава 8.....	148
Глава 9.....	161

ЧАСТЬ 2

Глава 10.....	179
Глава 11.....	184
Глава 12.....	197
Глава 13.....	208
Глава 14.....	223
Глава 15.....	235
Глава 16.....	261
Глава 17.....	270
Глава 18.....	289
Глава 19.....	294
Глава 20.....	304

Глава 21	322
Глава 22	328
Глава 23	356
Глава 24	362

ЧАСТЬ 3

Глава 25	377
Глава 26	398
Глава 27	412
Глава 28	427
Глава 29	434
Глава 30	443
Глава 31	455
Глава 32	468
Глава 33	474
Глава 34	481
Глава 35	492
Глава 36	496
Глава 37	508
Глава 38	522
Глава 39	534
Глава 40	551
Глава 41	558
Глава 42	562
Глава 43	598
Глава 44	601

Часть 1

ГЛАВА 1

Перечеркнув небо, прозрачная капля дождя миновала тьму и устремилась вниз, к дрожащим огням грязноватого портового города. Холодные порывы северо-западного ветра гнали каплю прямо к пересохшему устью реки — та делила город вдоль на две половины. Поперек же город перерезала заброшенная железнодорожная ветка. Получившиеся четыре округа были пронумерованы по часовой стрелке, а других названий у них не имелось. Во всяком случае, местные никаких названий не помнили. А когда те же местные путешествовали по миру, то даже, бывало, говорили, будто не помнят, как называется и сам город.

Капля из прозрачной постепенно превратилась в серую, пробиваясь сквозь пелену ядовитого, пропитанного гарью тумана, наседавшего на город, несмотря на то, что за последние годы фабрики здесь все друг за дружкой позакрывались. Несмотря на то, что безработные не могли наскрести на топливо для собственных печей. Несмотря на капризный, но сильный ветер и, казалось, нескончаемый дождь, какого, как некоторые говорили, город не видал с тех самых времен, как четверть века назад две атомные бомбы положили конец последней мировой войне. Иначе говоря — с того момента, как Кеннет занял кресло комиссара городской полиции. Сидя в кабинете на самом верхнем этаже Главного полицейского управления, комиссар Кеннет двадцать

Ю Несбё

пять лет мучил город. Так было при всех бургомистрах, и, что бы ни говорили высокопоставленные чины в столице Капитоль, второй по величине город — а когда-то сердце промышленности — медленно погрязал в трясине коррупции, банкротств, преступности и хаоса. Возможно, виновником затянувшейся непогоды был Кеннет, а может, атомные бомбы, или же местные просто забыли, что на самом деле случилось, — важно другое: совсем недавно в душах горожан затеплилась, наконец, надежда. Шесть месяцев назад отдохавший на даче комиссар Кеннет свалился со стула, ударился, а спустя три недели умер. Церемонию погребения оплатили из городского бюджета — такой указ состряпал еще при жизни сам Кеннет, а после достойных диктатора похорон городские главы и бургомистр посадили на пост комиссара полиции Дункана, широколобого епископского сына, стоявшего во главе столичного Отдела по борьбе с организованной преступностью.

Такой выбор многих удивил: Дункан не принадлежал к старой школе предприимчивых полицейских-политиков, а был представителем нового поколения хорошо образованных лидеров, сторонником реформ, открытости и модернизации и противником коррупции, чем выгодно отличался от местных хапуг.

Горожане надеялись, что у них появится наконец честный, смелый и прозорливый комиссар полиции, который выгасит город из трясины, и укреплял их надежду тот факт, что Дункан сразу же отправил в отставку всю полицейскую верхушку и посадил вместо них своих, лично отобранных людей — молодых мечтателей, которым действительно хотелось сделать город пригодным для жизни.

Ветер пронес каплю над западной частью Четвертого округа, над самой высокой точкой города, антенной

Макбет

на крыше радиостанции, откуда хриплый одинокий голос Уолта Кайта озвучивал надежду на долгожданное спасение. Еще при жизни Кеннета Кайт был единственным, кто в открытую осмеливался критиковать комиссара полиции и обвинять того хотя бы в некоторых из совершенных им преступлений. Многие говорили, что радиожурналист до сих пор жив только благодаря своему одиночеству. И слишком уж Кайт был на виду, чтобы просто взять и исчезнуть. Сегодняшним вечером Кайт хрипел о том, что городские главы сейчас стараются изо всех сил: Кеннету удалось пропихнуть законы, по которым вся настоящая власть попадает в руки комиссара полиции, и теперь законы эти придется отменить. Смешно, но все это означает, что последователю Кеннета, честному демократу и комиссару полиции Дункану, теперь вряд ли хватит полномочий, чтобы провести все намеченные реформы. А затем Кайт заявил, что на предстоящих выборах бургомистра «у занимающего этот пост Тортелла, самого жирного бургомистра в стране, противников нет. Вообще ни одного. Кишка тонка соперничать с нашей черепахой Тортеллом — он отвратительно непогрешимый и такой дружелюбный, что от его панциря любая критика отскакивает. И даже если кому-то хватит сил выгнать его из панциря, то из кабинета вряд ли: двери там узкие, а бургомистр наш так растолстел, что ни в одну дверь не влезет».

В восточной части Четвертого округа капля пролетела мимо «Обелиска», двадцатипятиэтажного гиганта из стекла и бетона, где размещались отель и казино. Светящаяся громада «Обелиска» словно показывала средний палец черно-коричневому унынию четырехэтажных строений, из которых состоял город. Чем меньше город производил и чем сильнее росла безработица, тем больше находилось тех, кто стремился спустить деньги, которых у них не бы-

Ю Несбё

ло, в одном из двух городских казино — многие как ни силились, так и не могли понять, в чем кроется разгадка этого явления.

— Город перестал давать и начал отбирать, — сипел из радиоприемников Кайт, — сначала промышленность, потом железные дороги, чтобы отсюда точно никто не выбрался. А под конец мы начали накачивать жителей наркотой — ею теперь торгуют там, где прежде продавали билеты на поезд. Так нам проще обирать наше же население. Я никогда не думал, что наступит время и я стану скучать по промышленным магнатам, но они, по крайней мере, принадлежали к отрасли, вызывающей уважение. Чего не скажешь об азартных играх, наркоторговле и политике — то есть трех других отраслях, на которых по-прежнему можно сделать деньги.

В Третьем округе ветер быстро погладил Главное полицейское управление, казино «Инвернесс» и пустынные улицы, откуда дождь старательно разгонял народ по домам, но разогнал не всех. Погладил ветер и вокзал, где больше не было поездов, зато было полно призраков и путешественников. Призраков тех, кого вера в себя, рабочий дух, бога, технологии и своих последователей заставила когда-то построить этот город. И путешественников, которые бежали на этот круглосуточный наркорынок купить дури, этот пропуск в рай и билет в ад. Во Втором округе ветер немного посвистел в кирпичные трубы двух крупнейших, но недавно закрытых городских фабрик — «Гравена» и «Эстекса». Обе фабрики специализировались на сплавах, но из каких металлов состояли эти сплавы, не сказали бы даже те, кто стоял у домны. Зато сказали бы, что корейцы начали изготавливать те же самые сплавы намного дешевле. Здесь уже чувствовалось обветшание — возможно, из-за местного кли-

Макбет

мата, а может статься, местным так казалось просто потому, что они знали о банкротстве, оставившем фабрики стоять там молчаливыми потухшими вулканами, которые Кайт называл «разграбленными соборами капитализма в городе разрухи и недоверия».

Дождевая пелена двигалась на юго-восток, по тротуарам с разбитыми фонарями, где к стенам домов жались шакалы, прячась от бесконечного плача небес и высматривая жертву среди тех, кто бежал мимо, к домашнему теплу и спокойствию. В свежем интервью Кайт спросил комиссара полиции Дункана, почему у них в городе вероятность, что тебя ограбят прямо на улице, в шесть раз выше, чем в Капитоле. Наконец-то простой вопрос, обрадовался Дункан и ответил, что причина в безработице: безработных у них в городе в шесть раз больше, а наркоманов — в десять. В порту громоздились старые контейнеры и стояли выдавшие виды контейнеровозы. Их капитаны частенько дожидались охочих до денег представителей портовой службы и совали тем коричневые конверты, благодаря которым получали и разрешение на вход в порт, и место в гавани. Пароходство включало эти расходы в бюджет на дополнительные нужды и клялось, что это в последний раз.

Одно из таких судов называлось «Ленинград» и было древней советской посудиной, с которой дождь смыл в море столько ржавчины, что казалось, будто судно истекает кровью.

Капля сверкнула в отсвете лампы, висевшей на потолке одного из двухэтажных деревянных строений, где располагались склад, офис и закрытый боксерский клуб. Пролетев между стеной и ржавыми бортами стоявших на причале посудин, капля ударилась о бычий рог, проползла по нему до мотоциклетного шлема, из которого этот рог торчал,

Ю Несбё

и упала на спину, обтянутую черной кожаной курткой с готическими буквами, складывающимися в надпись «РЫЦАРИ СЕВЕРА». Оттуда капля шлепнулась на сиденье красного мотоцикла «Индиан Чиф», а потом, наконец, на медленно вращающуюся ступицу заднего колеса. Там капля слилась с ядовитой водой, городом и Вселенной, прекратив свое существование.

За красным мотоциклом следовали еще одиннадцать — они по очереди проехали по желтому пятну света, который отбрасывала висевшая на стене темного строения лампа, и исчезли в темноте.

Свет уличного фонаря падал в окно конторы по найму моряков, приютившейся на втором этаже, и выхватывал из полумрака руку. Из-под нее виднелась заявка от судна «Гламис», которому срочно понадобился второй кок. Длинные и гладкие, словно у пианиста, пальцы и ухоженные ногти. На лицо падала тень, так что собеседник не видел ни пристального взгляда голубых глаз, ни массивного подбородка, ни тонких, выдававших скупца губ, ни хищного носа, зато отчетливо видел шрам, белой молнией разрезающий лицо наискось, от подбородка ко лбу.

— Они приехали, — сказал инспектор полиции Дуфф, втайне надеясь, что ребята из Отдела по борьбе с наркоторговлей не услышат, как легко, едва заметно дрожит его голос. Он ожидал, что за наркотой от Рыцарей севера придет человека три-четыре, ну уж никак не больше пяти, а сейчас насчитал в медленно разрезающем темноту караване целых двенадцать мотоциклов, причем на двух последних сидело по пассажиру. Четырнадцать против его девяти. И у него имелись все основания полагать, что Северяне вооружены. До зубов. Да, перевес значительный, но голос у него дро-

Макбет

жал вовсе не поэтому. Дело в том, что Дуфф получил как раз то, чего так жаждал: наконец-то операцией рулит он, наконец-то и его оценили по достоинству.

Поговаривали, что такие мотоциклы марки «Индиан Чиф» были тайно изготовлены в 1955 году по заказу Полицейского управления Нью-Йорка, причем существует их всего пятьдесят штук. А такой шлем и такой мотоцикл имеются у одного-единственного человека, хотя от него уже несколько месяцев не было ни слуху ни духу. Из прицепленных к мотоциклу кривых ножен поблескивала стальная рукоятка.

Свенон.

Некоторые утверждали, будто он мертв, другие — что он скрывается за границей, сменил имя, обрезал свои светлые патлы и окопался где-то в Аргентине, наслаждаясь старостью и посасывая тонкие, как шило, сигариллы.

Но это был он. Главарь банды, мочивший полицейских и сразу после Второй мировой сколотивший на пару с Сержантом Рыцарей севера. Они ходили по гнившим вдоль местной вонючей речки развалюхам, где жили рабочие, и вербовали молодых отмороzków, а потом обучали их, муштровали, промывали им мозги, пока не превратили в армию бесстрашных солдат, которых Свенон мог использовать, как ему заблагорассудится. Он подчинил себе город и стал единолично контролировать растущий наркорынок. И сперва казалось, будто Свенона никому не остановить — во всяком случае, Кеннет со своими полицейскими даже и не пытался. Скорее наоборот — за деньги Свенона они согласны были помогать ему до скончания века. Сам же Свенон стал участником бешеной гонки. Домашнее зелье Гекаты, «дурь», отличалось высоким качеством и низкой ценой, а кроме того, оно всегда было в изобилии. И если